

Обычная женщина, обычный мужчина

Он смотрел в окно. Как всегда, ожидая ее. *Его* женщину. Лину. Так было легче пережить эти невыносимые минуты ожидания. Она, разумеется, опаздывала — ну, женщина, что тут скажешь. Хотя... Смешная, маленькая аферистка и интриганка. Так, слегка. Она затягивала. Затягивала минуту встречи. Разумеется, для того, чтобы он...

Нервничал. Опасался. Дергался. Сомневался. Коротче — страдал.

Для чего, спрашивается? Для того чтобы еще раз осознать, что она — невысказанный, невозможный подарок?

Да он это и так прекрасно осознавал. Просто пощекотать нервы? Разумеется.

Он, Лев, взрослый человек, относился к этому с пониманием и с легкой усмешкой — дурочка! Да разве он... хоть на минуту сомневался, что такое ОНА? Она в его жизни. В его судьбе.

Нет, интриганка, ей-богу! Он смотрел в окно. Такси подъехало к дому ровно в пять. Ровно! А она... Эта его красавица...

Посмотрела на часы, огляделась окрест и — направилась к палатке, стоящей на краю дороги.

Минут пять разглядывала скудную витрину. Потом протянула деньги и взамен получила какой-то предмет. Рассмотрела его не спеша. Развернула. Надкусила и — выбросила в урну.

Потом снова открыла кошелек и протянула в окошко деньги. На сей раз рука продавщицы показалась с бутылкой воды. Она открутила пластиковую крышку, сделала пару глотков и убрала бутылку в сумку.

«Предусмотрительная моя! — подумал он. — Рачительная какая!» Ну не пропадать же добру, ей-богу.

Снова взгляд на часы, и — медленно пошла к подъезду. Медленно.

Ну, пять минут, да мои — чего ж не потянуть?

Он отошел от окна. Вот! Наказать. Наказать и прочувствовать. За все эти муки. Нет, негодяйка просто! Ведь эти пятнадцать минут — просто целая жизнь, вот что такое эти драгоценнейшие пятнадцать минут. Сколько раз можно обняться? А сколько поцеловаться? А просто прижать ее к сердцу и послушать ее дыхание и толчки в груди? Вдохнуть запах ее волос и ее духов? А поговорить? Поставить чайник и небрежно, не отворачиваясь от плиты, спросить: «Ну а как вообще? Скучала?»

И обернуться не сразу. Не сразу, потому что сразу она и не ответит.

А она... Теряет время, теряет. Палит, жжет. Не ценит, короче. А оно — такое драгоценное, такое невеликое — ИХ время. Такое неприлично короткое, торопли-

вое. словно кто-то специально подкручивает стрелки часов.

Чушь какая! Никто, разумеется, не подкручивает. Просто пролетает оно так стремительно, так невозможно и беспощадно быстро, что... Никогда его не хватает.

Как всегда не хватает времени для счастья.

А вот проучить! Не открыть сейчас дверь — типа, нет его. Не приехал. Не смог. Даже позвонить не смог. Что-то случилось. Вот и пусть попсихует. Может, тогда поймет и откажется от своих дурацких бабских шуток.

Раздался звонок — их звонок. Три коротких, два длинных. Конспираторы, блин. Никто об этой квартире не знал — даже Димон, лучший друг. Так, на всякий случай.

Он стоял под дверью затаив дыхание. Звонок нетерпеливо и настойчиво повторился. Он посмотрел в глазок — так, мобильный. Сейчас она наберет его, и его телефон зазвонит. И все — спалится за милую душу. Совсем глупо. Или? Да я заснул! Вырубился просто. Устал, знаешь ли. Работа, жена, ребенок. Уж прости, любовница. Прикинуться шлангом. Ты — любовница. Все. Совсем несложно.

Сложно — когда любимая. При всем перечисленном выше.

Запиликал его мобильник. Тихо — правильно, он в кармане куртки, куртка в комнате. Дверь в комнату закрыта. С лестничной площадки его не услышать. Славно.

Ну, и что дальше? Тишина. Думает. Вот пусть и подумает, как расточать время. Шоколадка, водица, неспешная походка. Отлично.

Он глянул в глазок. Она растерянно смотрела на телефон. На лице — недоумение и тревога. Тревога — точно. Точно?

Он распахнул дверь и встретился с ней глазами. Она упала ему на грудь и крепко обняла его за шею.

И тут он услышал — ее дыхание. Толчки в груди. Вдохнул запах ее волос и ее духов.

И — кончился мир. Кончилась жизнь, где есть работа, жена и ребенок. В *этой*, настоящей, жизни была только она. Ну и еще, разумеется, он.

И больше никого на свете. И ничего. Потому что им, собственно, все остальное было не нужно.

* * *

Минут через пять она отпрянула, открыла глаза, закинула голову и тихо сказала:

— Ты меня напугал. Почему? — Она нахмурила брови.

Он не ответил. Бережно снял с нее плащ и спросил:

— Кофе будешь?

Она тоже не ответила — ясно, обиделась. Он пошел на кухню варить кофе. Она долго стояла в прихожей, снимала сапоги, ковьялась в сумке, потом отправилась в ванную, включила воду.

Когда зашла на кухню, кофе уже стоял на столе. В этой квартире не было ничего, кроме пачки хорошего кофе, жестяной банки с чаем и пачки каких-то древних, в бозе почивших сухарей.

Кофе она пила без сахара. Смешно! С ее-то цыплячьим весом.

— И? — спросила она.

Лина любила определенность. Странно, а жила в *такой ситуации* уже почти два года.

— В туалете был, — безмятежно ответил Лев.

Она понимающе кивнула. Дальнейшие вопросы отпадали. Бывает.

Он подошел к окну и закурил. «В игры играем, — подумал он. — Кровушку полируем. Как дети, ей-богу. А зачем? Зачем? Самые близкие на свете люди. А ведь хотим подергать за ниточки. Манипулируем друг другом. Прикидываемся и прикалываемся. Идиоты».

Он обернулся и посмотрел на Линин затылок.

Ничего. Ничего не надо, кроме того, чтобы подойти к ней и обнять. И поцеловать ее в этот самый затылок. Все.

Что, собственно, он и сделал. Через пару секунд.

Сумерки. Понятно, что, скорее всего, уже ближе к восьми. Он повернулся и посмотрел ей в глаза.

Темнота. Нет, чернота. Таких глаз он никогда не видел. Чтобы не были различимы зрачки. Такой вот цвет глаз. Называется — черные. Очи черные, в смысле. Не карие — нет, в карих видны зрачки. А именно черные. Как ночь. Мрак. Таинство. Как вся его «нонешняя» жизнь.

— Пора? — хрипло спросила она.

Он посмотрел на часы и мотнул головой.

— Не-а, еще минут сорок.

Лина потянулась за сигаретой.

— Ну, как вообще? — спросила она.

— Да так. Нормально вроде. Без эксцессов и перемен.

— Хорошо, — кивнула она.
— Да? — удивился Лев. — Ну, наверное.
— Определенно, — уверенно сказала она, — время перемен еще не настало.

— Тебе виднее, — обиженно сказал он.

Она сделала вид, что не заметила.

— А как Василиса?

— В порядке, — он слегка оживился, — танцы эти... Только танцы эти в голове. И все. Неправильно как-то.

— Правильно, — отозвалась Лина, — сосредоточиваться надо на чем-то одном. Если расплыться — не хватит сил. Им и так тяжело — такие нагрузки. У нас такого не было.

Лев кивнул.

— Не было, да.

Вспомнился двор, стая мальчишек, драный футбольный мяч, самодельные ворота. Киносеансы в девять утра. В воскресенье. Родители еще спали. А они встречались во дворе — он, Димон, Санька и Ирка, Санькина сестра, и бежали в киношку.

Славное время. Детство. Есть что вспомнить.

А его дочери? Василисе? В школу на машине с мамой. Встречает тоже мама. Бутерброды и термос в машине и... попилили по пробкам — танцы. Священная корова — эти танцы. Только и разговоров, что про конкурсы, костюмы по безбожной цене, интриги внутри — родители, сами танцоры, партнеры, учителя.

Словно на кон поставлена жизнь. Васька замученная, бледная. В постоянном ожидании плохих и коварных вестей. Бред!

А просто выйти во двор и потрепаться с девчонками? Сбегать к метро за мороженым и пирожками? Втихаря смотаться в зоопарк или на выставку? Нет всего этого.

И подружек нет. Есть соперницы. «Эта дура Волкова, эта идиотка Федоренко. Цветкова толстожопая, и туда же».

Не ребенок, а маленькая, уже обиженная и вредная женщина. Колготки, лосины, тени, блеск для губ. Жареного нельзя, печеного тоже: «Ты что, папа? В своем уме? Какие пиццы и пончики?» И презрительно скошенный рот. И еще — взгляд на маму: ну что он понимает? Этот...

А мама все поймет, тяжело вздохнет и понимающе посмотрит на дочку: да что с него возьмешь, милая? Все ж и так понятно! Вахлак.

У них с дочкой своя жизнь — свои шепотки, свои секретки. Свои разговорчики.

Он — сбоку. Нет, он, конечно, необходим — деньги, деньги, статус и статус. Муж, отец, хорошая должность. Семья. Господи! Какая там семья, когда... Когда он говорил с женой о жизни лет пять назад! А спал с ней... Ну нет, здесь срок, правда, покороче. И все равно. Они и он — вот такая семья. Они вместе, он поодаль. Отмахиваются, вздыхают, терпят. Все мужики, моя милая! Все как один!

Жизнь — это сплошной компромисс! А уж семейная...

Она умная, его жена. Все это знают. А она — лучше всех. И дочку плохому не научит — ни-ни.

Научит, как жить. Как правильно выйти замуж. Как построить карьеру. Как приноровиться. Как находить компромисс.

А как *быть счастливой*? Научит ли? Для этого надо быть счастливой самой.

А глядя ей в глаза... Сомнительно как-то.

Но! Никогда. И ни за что. Он. ЕЙ. Той, кто лежит сейчас рядом. На наволочке в розовый пошлый горошек. Чужой наволочке. Той, что дороже всей жизни, он никогда и ничего ЭТОГО не расскажет. А ведь если не ей, то кому?

И это называется — *самые близкие на свете люди*?

Странная жизнь, господи! Странная.

И как он устал от всех этих компромиссов! Кто бы это знал...

* * *

Лина смотрела на него и думала, что о такой любви она и не мечтала. Хотя влюбчивой была с самого детства. Мама говорила, еще в детском саду она объявила, что «женится с Мишкой Некрасовым». Мишка Некрасов был местным плейбоем. Кудрявый, черноволосый, с огромными голубыми глазами и девичьими ресницами. Даже воспитательницы умилялись Мишкиной красоте. За ним приходила мама — такая же неопикуемая красотка с томным взглядом и капризно надутыми губами. Она шла по аллее, и все — от воспитательниц и нянечек до девчонок-соплюшек, — раскрыв рты, не могли отвести от нее глаз.

Лина тогда подумала: «Хочу быть *такой*! Такой же тонкой, томной, в белом пальто и высоких блестящих сапогах. Такой же неотразимой».

Мишка ей «изменил» — через полгода. Когда в старшую группу пришла девочка с красивым именем Лиана.

Она переживала — ей-богу, переживала. И плакала по ночам. Когда встревоженная мама поняла, в чем дело, она рассмеялась:

— Дурочка ты моя! Сколько будет у тебя этих Миш! Вагон и тележка. Но вообще про красавцев забудь — не нужны нам никакие красавцы.хлопот с ними не оберешься.

— Почему? — удивилась она.

Мама вздохнула и терпеливо объяснила:

— Тебе нужен красавец? Да, нужен. И другим тоже нужен. Вот и подумай, как будешь его со всеми делить? Да и потом, разве в мужчине главное — красота?

Лина пожалала плечами.

— В мужчине главное — ум, — сказала мама. — Ответственность. Чувство долга и чувство юмора. Поняла?

Лина кивнула, хотя поняла не очень. Но — записала. Она уже тогда умела писать — крупными кривоватыми печатными буквами.

А бумажечку эту нашла за день до своей скорой свадьбы — разбирала вещи, готовясь переехать на мужнину жилплощадь, и обнаружила сей манускрипт. Сначала посмеялась, а потом задумалась: а подходит ли ее жених под все эти критерии?

Ум, ответственность. Чувство долга и чувство юмора. Думала долго. Ум и юмор — наверное, да. А все остальное — ну, жизнь покажет. И, наверное, довольно скоро.

Жизнь показала — юмор с годами обмелел, ум... А вот что это значит? Ум — понятие, знаете ли, растяжимое. В работе — да, муж умен, прозорлив и, видимо, талантлив. А вот в обычной жизни... Тут все решала она. Впрочем, судя

по опыту и окружению, это была участь всех сильных женщин. Хотя доходило до смешного — однажды вызвали сантехника и плотника. И те, два испитых красномордых и калячащих мужичка, по всем вопросам обращались именно к ней — безупречным чутьем разглядев именно в ней хозяйку. И хозяйку положения — в том числе.

Хотя они стояли на тесной кухоньке рядом — плечом к плечу, она и муж.

Ей стало смешно. А потом... Потом стало не до смеха. Все решала она — в какую школу отдать сына. Какой выбрать холодильник. Какой костюм купить мужу для защиты докторской. Продукты, магазины, гости, родители — все было на ней. Он только подчинялся. Иногда вдруг делался обиженным, мол, ты со мной не посоветовалась! И замолкал на несколько дней.

Она терялась и начинала оправдываться. И даже принималась извиняться. А потом задумалась: я так привыкла! Я привыкла принимать все решения сама! И отвечать за все. И вот отсюда и этот менторский тон, и безапелляционность, и уверенность в правильности решения. И мнение, мнение есть только одно — естественно, ее!

На его обиды она горячо возражала:

— Да тебе же так удобно. Ты сам, добровольно, отдал все бразды правления мне. И чего же ты хочешь? Ах, советоваться с тобой по любому вопросу? Ах, прислушиваться к твоему мнению? Ах, принимать решения коллегиально?! Ну что ж, посмотрим!

Тем более повод намечался — на родительском участке решили построить дом. Дом — не дачу, именно дом, чтобы

приезжать туда на выходные, каникулы, праздники. Чтобы с удобствами, горячей водой, туалетом и всеми прочими благами.

— Рули, — благородно сказала она и отошла в тень.

Ну он и «нарулил» — довольно скоро, уже на уровне фундамента. Терпения у Лины хватило ненадолго — просто денег и сил было жалко немислимо, какие уж тут принципы!

Решила все одним днем — разогнала старую бригаду, наняла новую, та исправила все прежние косяки, и через три месяца дом стоял под крышей.

Муж ушел в глубокое подполье и в большой обиде объявил, что «ездить туда не намерен».

«Ну и черт с тобой», — решила она и дом, разумеется, достроила.

И вот еще — насчет чувства ответственности и долга...

Никогда. Никогда он ни за что не отвечал. К его большим родителям в основном ездила она: «Ну, у тебя больше свободного времени. С твоим-то графиком, дорогая!»

Сыном занималась она, и только она. Не говоря про ее родителей — ну, это и так понятно. Даже с друзьями и врагами мужа налаживала отношения она. Врагов переводила в стан друзей, дружбу укрепляла верностью и вечной готовностью прийти на помощь — в любую минуту.

А в целом... В целом он был совсем неплох. Хорош собою, фактурен, интеллигентен, подтянут, всегда при хорошем костюме и отличной стрижке.

Словом, есть чем гордиться. К тому же — доктор наук, профессор. Довольно молодой профессор.

В быту он был неприхотлив, денег на семью не жалел. Они много путешествовали, обожали далекие, совсем не туристические маршруты. Сыном гордился, в компаниях острил.

Жизнь сложилась, получается? Да вроде так...

Но господи! Как же она устала! Как устала быть сильной, умной, несгибаемой. Устала принимать решения, брать на себя...

Как она хотела быть слабой, капризной, кокетливой, нерешительной, обидчивой. Как ей хотелось понуть, поканичить, потребовать жалости. Побывать «маленькой девочкой». Чтобы пожалели, да! Пожалели, и все.

Но — поздно! Имидж менять поздно, вот что! Личина приклеилась — не отодрать. Клеймо. На всю жизнь. Клеймо умной, сильной, могучей.

«Так и проживу, — думала она, — до конца жизни буду тащить эту декорацию на своем горбу».

И некогда было задуматься о любви — совсем некогда. Столько хлопот!

А когда задумалась... Стало так страшно, хоть в петлю! «И это — моя жизнь? Зачем, для чего, для кого? Для всех. А я? Что происходит со мной? И вообще — где оно, счастье? Где любовь? Где? Так и доживу — в суете и заботах? И больше ничего не будет? Ничего?»

И вот тогда она встретила *его*.

Мысли материальны. Правильно говорят. Только вот стало еще страшнее...

Потому что она словно раздвоилась. Одна Лина — на кухне, на телефоне, решающая семейные проблемы,

в школе и в секциях сына, она, она, она... Твердая, крепкая, разумная. Но была и другая — кокетливая, капризная, сомневающаяся. Слегка утомленная и недовольная. Нежная. Трепетная. Сама страсть и отчаянье. Нерешительная. Ох, кто бы ее увидел — из знакомых или родни! Вот удивился бы! Просто не признали бы — ни за что. Она и сама себе удивлялась. Вот надо же, не женщина — хамелеон. Актриса бы получилась великая!

Да нет, не хамелеон и не актриса, она была везде — настоящая! И там, и там. Просто — другая. Разная. Диаметрально противоположная, но везде настоящая. Просто в разных обстоятельствах — и все.

А вот какой она нравилась себе больше... Вопрос!

Определенно — в старой шкуре ей было куда привычнее, куда комфортней.

А в новой... Теплее. Слаще. Волшебней. Приятней — наверняка.

И еще — ей, так привыкшей решать все быстро, предельно быстро, ставить точки над «і» твердо, без долгих раздумий, брать все на себя, почти не сомневаться, такой уверенной и четкой, здесь, в этой ситуации, в этом двусмысленном положении было так страшно...

Страшно даже подумать о том, что когда-нибудь (и наверняка в обозримом будущем, сколько же может все это тянуться и длиться, не бесконечно же!) ей предстоит принять решение. Сделать выбор. Поставить точку.

И — сломать, разрубить, порушить чьи-то жизни. Да не чьи-то, а вполне реальных людей! Жизни дорогих и близких, как ни крути. Родителей, мужа, сына.

И еще парочку жизней. Его жены и его дочери. Его родителей. Его самого, ее любимого. И самого дорогого человека.

Хороша же цена вопроса, а? А ведь есть за что ломать копья. Есть.

Только не копья — человеческие жизни. А это куда серьезнее. Хотела любви? Вот и получи! Возьми всю — охапкой, копной.

Удержишь ли? Рук-то хватит? Подумай. Подумай, девочка! На весы. И прикинь. Ты же умная, все так в тебя верят!

Только вот сама что-то растерялась. Потерялась сама. Как в глухом лесу — ау? Ау...

А пока... Усни на его плече... Поспи. Вдыхая его запах и чувствуя кожей его тепло.

Поспи. Побудь слабой и беззащитной. Любимой тоже побудь.

Хотя бы сорок минут. У вас же осталось сорок минут, да? Спи.

Там — она ломала трагедь, а *здесь* — ломает комедь. Хороша штучка, а? Актриса погорелого театра. А они... Они не парятся — ни тот, ни этот. Гады, вообще-то... А еще говорит: «Я тебя защищу! От всех и всего! Я же Лев — царь зверей».

Парится, еще как парится. Вот только она не знает — он же мужчина! Сталь и гранит. Ну не нить же, в самом деле. Ох как я устал. Как все это сложно — просто раздвоение личности. Так недалеко и до шизофрении. Там —

я отец и примерный (?) муж. Ну или просто приличный. (Интересно, а что думает по этому поводу моя жена? Нет, правда, жутко интересно.) А скорее всего, она просто не думает на эту тему. Зачем? В деньгах не нуждается, живут они сносно — хотя бы без мерзких и оскорбительных скандалов. Она вся в своей жизни — дом, магазины, дочь, школа, кружки, тряпки, ремонт, путевки на море.

Она — в своей жизни. Потому, что *их* совместной жизни давно уже нет.

Он любил разглядывать семейные пары — ну, например, на пляже или в отеле. Или в экскурсионном автобусе. Их ровесники, около сорока. Люди одного социального круга, довольно успешные — поездки, одежда, аксессуары. Ухоженные и воспитанные дети.

Он смотрел на мужиков и пытался поймать в их глазах такую же тоску. Ловил. Почти у всех. Было видно, ну, или очевидно, что вся эта семейная кутерьма, все эти обязательные моменты им так же, как и ему, скучны и пресны.

Он завел разговор с Димоном. Тот, как всегда, постеснялся:

— А ты чего хотел? Неземной страсти на двенадцатом году жизни? Умирать от вида ее тела, касаясь пожухлой от родов груди? Нет, мой миленький. Так не бывает. Вот поэтому я и меняю своих бабс раз в пять лет. А то... — Димон безглаголиво скривился. — ...до тошноты прям. Веришь?

Он верил. Но схема Димона была явно не для него.

— У меня сил не хватает, — усмехнулся он, — давление, знаешь ли, низкое. Гипотония.

— А у меня — гипертония, — обиженно пожаловался Димон, — это еще опаснее. Так что живи и не парься — все у тебя не так плохо. Галка — приличная тетка. Не достает, не ломается. Все вопросы решает сама. В доме чисто, обед на плите. Василиска в порядке. И какого тебе еще рожна, спрашивается?

— Да нет, не в этом дело! — махнул он рукой. — Понимаешь, — тут он задумался, — ну, «страстно желать» — это я понимаю. Но хотя бы... соскучиться, что ли. Ну нет меня неделю — командировка, скажем. И захотеть вернуться домой. Обнять ее просто, прижать к себе. Сесть поужинать и поболтать — не только о дочкиных отметках и о ценах на мясо, а просто за жизнь, понимаешь?

— Ну-у! — протянул лучший друг. — Этого требовать от них просто нельзя. Нереально просто. Счас, размечтался, будет она с тобой говорить о жизни. Точнее, о глобальных человеческих проблемах. О том, что мучает тебя. У нее, блин, свои глобальные проблемы — Васькины отметки, то же мясо, акции в продуктовом и шмоточном. И ей кажется — вот уверяю тебя, — что важнее ее проблем нет ничего! А все твои измышления... Ну, это вообще бред собачий и полная хрень. Все оттого, что тебе нефига делать.

— Мне? — Он задохнулся от возмущения. — Это мне-то нечего делать? Я, между прочим, работаю! И обеспечиваю — весьма неплохо, заметь, — семью. И тряпки они метут вагонами, и на курорты ездят. И не на оптовых рынках ошиваются, а в достаточно приличных магазинах. И домработница к ней приходит раз в неделю. И Ваську

она возит по танцам и языкам на машине. А не в общественном транспорте потеет!

— Ну, ты у нас прям герой! Просто нет таких Бэтменов на всем белом свете. Только один ты — великий и ужасный. И еще — замечательный. А вот скажи, — тут Димон хитро прищурился, — а если бы без всего этого, ну, без того, что ты тут перечислял, она бы, ну, женщина такого уровня, таких внешних данных, такая жена, хозяйка и мать, жила бы с тобой? Положа руку на сердце?

Лев молчал.

— Вот, вот в чем вопрос, — оживился Димон. — И тут же ответ — какой, ты понимаешь. Так что ты не герой, уж прости. А обычный среднестатистический мужичок. И тебе, кстати, повезло ничуть не меньше, чем ей. Ее заслуги я уже перечислил.

Долго молчали. А потом он спросил:

— А как же любовь, Димон? И все тот же банальный секс?

Димон тяжело вздохнул.

— Любовь, Левка, понятие... растяжимое. Не хватает — поищи на стороне. И с любовницей, кстати, ну, если она не дура, можно с удовольствием потерять «за жизнь». И она будет делать вид, что все это ей *жутко* интересно. Ну, все твои жалкие бредни по поводу несовершенства, недовольства, все твои неразрешимые вопросы, короче, весь твой кризис среднего, блин, возраста ее будет «глубоко» волновать. Вроде бы. И еще — так, на всякий случай, — посмотрю я на тебя лет этак через пять, ну, ес-

ли ты с этой теткой продержишься. Будешь ли ты так же страстно срывать с нее одежды и заваливать в ванной.

— Я про любовь, Дим, — напомнил он.

— Так и я про нее же! — удивился Димон. — Сначала волнение, потом наслаждение, потом... — ну, в песне, помнишь?

— Циник, — ответил он.

— А ты — дурень, — спокойно отпарировал друг, — и неизвестно, что хуже. Точнее — известно.

* * *

Она спала на его плече. И пахли медовым шампунем ее волосы, и почему-то мандарином — кожа. И дыхание ее было таким спокойным и теплым, что он думал только одно — ничего... Ничего ему больше не надо. Кроме этой тихо спящей женщины рядом. Точка. А все остальное — все слова, все размышления, все «за» и «против» — было такой ничтожной глупостью, что просто смешно. Смешно, потому что *счастье*. Вот все это — просто счастье.

И чего тут размышлять? Хотя бы эти сорок минут.

Он осторожно погладил ее плечо. Она чуть дернулась, поджала губы, втянула носом воздух и... открыла один глаз. Его всегда это смешило.

— А второй? — спросил он.

— Второй еще поспит. Минуты три, — тихо и чуть хрипло ответила она, — можно?

Он кивнул — пусть поспит! Можно.

Она облегченно вздохнула и закрыла второй.

Он выпростал руку из-под ее шеи и пошел на кухню. Странно, что эта полупустая, ободранная чужая квартира, с нищим и хромым комодом шестидесятых годов, с обвисшими и выгоревшими шторами, с трехрожковой пластиковой люстрой и грохочущим холодильником «Ангара», казалась ему милее и теплее его собственных, трехкомнатных хором в новом доме — кухня пятнадцать метров, два санузла, спальня на заказ из Италии (ждали почти год) с дизайнерской плиткой и тангенционным паркетом — разумеется, дуб, — с плазмой во всю стену и черно-белым ковром из перуанской коровы; его небедный, со вкусом и тщательно обставленный дом был ему ЧУЖИМ. Просто чужим — как бывает чужим временное пристанище.

В которое, кстати, ему совсем не хочется возвращаться. Или он немного, совсем слегка, лукавит?

Он допил остатки остывшего чая, выкурил сигарету и посмотрел на часы.

— Пора, — вздохнул он, — вот теперь уже точно пора. Открывайся, глаз левый и глаз правый! Просыпайся, детка! Нас ждут великие дела.

Такая вот ужасающе глупая ирония. Такой вот сарказм. Такая вот жизнь, милая.

Обычно Лев подвозил ее до соседней улицы. Ехали молча — только Лина рука лежала на его колене, и он иногда прикрывал ее своей ладонью.

Машина остановилась. Они крепко обнялись и замерли. Прошло минут десять. Или пять? Или полчаса?

Нет, все-таки десять или около того. Точно подал сигнал биологический будильник — они отпрянули друг от друга и посмотрели друг другу в глаза.

— Завтра, в одиннадцать? — спросила она.

— Как всегда.

В одиннадцать был их первый созвон. Потом в три, в шесть — когда он выходил из офиса и садился в машину. И самый последний — тайный, тихий, звонок на вибрации — из ванной в двенадцать.

Просто чтобы сказать «спокойной ночи». Или на крайний случай эсэмэс: «Лю. Це, ску».

Она мотнула головой, стяхивая оцепенение, улыбнулась краешком губ и чмокнула его в нос.

— Все. Пока. До завтра.

Вышла из машины и наклонилась в открытое окно — чтобы еще раз сказать «люблю» одними губами.

Лев, кашлянув от волнения, хрипло спросил:

— Как мы будем жить дальше, любимая?

Лина пожала плечом.

— Так же. Хорошо и весело. Счастливо, короче. Пока, Лев, царь зверей! — И бросилась наутек, чтобы он не услышал рыданий, которые уже готовы были вырваться из ее горла. Нет, не из горла и не из груди — из самого-самого сердца.

Лев посмотрел ей вслед и рванул с места.

Хорошо и весело — это про них. Именно так — особенно весело. Ведь так весело ждать четверга или пятницы, шести часов вечера — в четверг отпроситься на час, в пятницу короткий день — ждать этих трех часов всю долгую, беско-

нечно долгую неделю, чтобы в четверг или в пятницу подъехать к этому облупленному дому, зайти в этот пропахший кошатиной подъезд, подняться на шестой этаж в квартиру Пелагеи Сергеевны, вредной и жадной квартирной хозяйки, портящей жизнь собственной дочери, бьющейся на двух работах, съехав к ней и сдавая свою «кватерку» за двадцать пять тысяч — на книжку, только на книжку ты мне, милоч, переводы. А то эти... Все отберут, сволочи.

И там, открыв наконец коричневую дверь с драным дерматином, с таким облегчением войти в коридор, не замечая удушливых запахов старой мебели и пыльных гардин, сесть на кухонную табуретку и уставиться в окно — когда же там, моя милая, ты начнешь выпендриваться у продуктовой палатки, откусывая от шоколадки, попивая водичку без газа, поглядывая на часы.

Когда? Когда наступит этот волшебный момент, этот таинственный час, эти драгоценные, нет, даже бесценные минуты, когда ты наконец шагнешь в подъезд, поднимешься в узком и вонючем лифте, подойдешь к этой отвратительной бабкиной двери и нажмешь кнопку дурно визжащего, словно хозяйкин голос, звонка.

И в ту же минуту он откроет, распахнет дверь — в мир ДРУГОЙ. Противоположный тому, что остался за этой дверью.

Распахнет и раскроет свои объятия, в которые ты упадешь. Рухнешь. Бросишься. Потонешь.

Когда же наступит это самое счастье? Ради которого он живет все остальные дни недели.

Когда???

Лев открыл дверь своим ключом. Из гостиной слышался звонкий смех дочери и приглушенный, кудахчущий жены. Орал телевизор.

Включил свет в прихожей, и смех прекратился. Точнее — резко оборвался. Вышла жена. Посмотрела на часы, но ничего не сказала. Слегка усмехнулась, и только. Он сделал вид, что не заметил. Не до разборов полетов. Совсем не до них. Впрочем, супружница отношений выяснять не любила — тоже плюс, между прочим.

— Ужинать будешь? — вздохнув, спросила Галина.

— А что? — поинтересовался он, почувствовав внезапный голод.

— Еда, — с вызовом ответила жена.

Такие вопросы ее раздражали. Еще она любила прибавить, что меню обычно вывешивают в ресторанах.

— А поконкретнее? — вредничал он.

Галина взяла себя в руки и с расстановкой, почти по слогам, произнесла:

— Рыба. Жареная. Палтус. Пюре. Картофельное. На молоке. Салат из сезонных овощей. — И с вызовом посмотрела на него. — Подходит?

— Вполне, — удовлетворенно кивнул он и пошел в ванную мыть руки.

Когда он вошел на кухню, подогретый ужин стоял на столе. Жена села напротив и стала смотреть, как он ест.

— Вкусно? — спросила она.

— Вкусно, — кивнул он.

Было и вправду очень вкусно. Жена готовила неплохо, но... Любила всяческие кулинарные новости и, как ей казалось, изыски, почерпнутые на кулинарных сайтах, в программах и журналах.

Например, замысловатые лазаньи, мусаки, киши и прочее, к чему он совсем не привык. На его просьбы приготовить обычную, человеческую, еду — борщ, котлеты или тушеное мясо — жена обижалась и объявляла, что он — плебей.

А ему не нравилась горькая руккола, жирная лазанья с непонятными специями и цыпленок по-валлийски — гораздо вкуснее родной табака. Честное слово!

Иногда она шла на уступки — как, например, сегодня. Ей, кстати, сказочно повезло — она умудрялась не поправляться ни на грамм без всяких там усилий в виде диет или спортивных тренажеров. Могла съесть подряд четыре пирожных, или полбагета с маслом, или полкило шоколадных конфет за вечер.

Знакомым Галина со смехом говорила:

— Ну хоть в этом все неплохо.

Он всегда удивлялся — это «хоть» его слегка задевало. «Хоть» в этом. А во всем остальном? Во всем остальном категорически нет?

В кухню заглянула дочь и протянула:

— Ну мам?

Жена махнула рукой.

— Выйди.

Дочь испарилась.

— Лев! — начала Галина. — Тут вот такое дело. — Она помолчала, не решаясь начать. — Словом, Васькин класс едет в Париж. На неделю. Ну, на зимние каникулы.

Он молчал и продолжал размеренно есть.

— Так вот, — вздохнула жена, — ей, понятное дело, тоже хочется. Ну, поехать. Гущина едет, Бутейко — все ее девочки. Марина, мама Веры Гущиной. Алена, мама Бутейко. — Жена опять замолчала.

— Ну? — кивнул он. — И что дальше?

Жена покраснела и разозлилась.

— Ну чего ты прикидываешься? Не понятно, что ли? Васька тоже хочет поехать. А что тут странного? Музеи, выставки. Языковая практика.

Он отложил вилку и посмотрел на жену.

— Практика, говоришь? Самой не смешно? За неделю — и практика, да, Галь? Музеи опять же. Знаю я твою Марину Гущину и эту Алenu. Распродажи у них, а не выставки. Новогодние распродажи. И деньги им девать некуда — и одной, и второй. И, как я понял, ты бы тоже не возражала. Я прав? — Он посмотрел на жену.

Она молчала, опустив голову.

— Так вот. Потакать вашим прихотям я не собираюсь. А это — именно прихоть. Ты уж мне поверь! В Париже мы были два года назад. И хочу тебе напомнить, что, по-моему, у нас были другие планы — новый забор на даче и мысли о новой машине для тебя. Или нет? Или я что-то путаю?

Галина, не поднимая головы, кивнула.

— Ну, — Лев встал со стула, — тут, я думаю, разговор можно и закончить. — И вышел из кухни.

В кухню проскочила дочь, и он услышал их с матерью жаркий шепот.

«Ну пусть языками почешут, — равнодушно подумал он, лег на кровать и положил телефон под подушку. Закрыв глаза. — А может, я зря? Зря вот так резко? Да пусть едут, в конце концов». Ведь, по сути, он виноват перед ними. И, значит, вину надо заглаживать. Хотя в чем виноват? В том, что любит другую женщину? В том, что у них давно нет семьи? И в этом виноват только он, он один?

Да черт его знает, кто и как виноват. В какой мере. И ничего плохого для них он пока не сделал. Может, просто не успел? И каяться пока не в чем — как жили, так и живут. И никто их не притесняет. И в Греции на море были — в августе, пятнадцать дней. И на октябрьские в Праге неделю. Может, пора аппетиты и поунять? Он ведь, в конце концов, не олигарх и не владелец бизнеса. У него, да, прекрасная должность и очень неплохая зарплата. И все же...

«Наглость это, — вдруг разозлился он. — Хотя... Дурак! Целая неделя абсолютной свободы! Никого не видеть и не слышать. Попытаться разобраться в себе. Да просто отдохнуть по-холостяцки. Сходить с Димоном в Сандуны, выпить, наконец — от вольного. В кабаке, под громкую музыку и танцы с незнакомыми и ненужными девочками. А потом завалиться домой, полчаса возясь с дверным замком, и — рухнуть в одежде и ботинках. В сладком беспмятстве рухнуть. И чтоб ни одного вопроса и ни одного попрека. Ни в ночь, ни наутро».

Он усмехнулся: боже, о чем он мечтает! Да, правильно, за все надо платить. Да черт с ними, пусть катятся в эти Парижи, Лондоны — куда угодно.

Он вздохнул и посмотрел на телефон — маньячные штуки в голове развиваются. Фобии, навязчивые состояния. Невроз, одним словом. Мама работала невропатологом, и он неплохо знал про нервные болезни.

Через пятнадцать минут сеанс связи. Телефон слабо очнется и затанцует свой короткий вибрирующий танец.

И тут в голову пришла довольно отвратная мысль: *как* он думает о них. «Черт с ними», «Пусть катятся»! Черт, собственно, с кем? С его женой? С которой прожил весьма неплохих четырнадцать лет? Да ладно бы с женой. Черт с ней, с Василисой? С его единственной и любимой дочерью? С ней тоже черт? И тоже — пусть катится?

«Сволочь, — подумал он, — какая же я отъявленная сволочь!»

Телефон дернулся и зашипел под подушкой. Он схватил его и открыл. Все как обычно, ничего нового: «Спок! Лю! Ску! До завтра. Твоя».

Как это — как обычно? Как это — ничего особенного? Это для вас, дорогие мои! А для меня!!! В каждом слове, точнее, полуслове, обрывке, куцем начале — ВСЕ. Все, что мне жизненно, просто жизненно необходимо.

Потому, что — Лю. Ску. И самое главное — *твоя*.

Он ответил. Что может ответить влюбленный идиот сорока лет? Вот именно. Правильно. Можно не повторять — и так понятно.

Жена вошла в комнату, не включая света. Сняла халат и надела ночнушку. У зеркала застыла, с минуту разглядывая себя, тихо вздохнула и намазала лицо кремом. Уличный фонарь хорошо освещал ее сухую, поджарую, спортивную фигуру. Мышцы, мышцы... Откуда, спрашивается? Природа шалит. Спортсменка, блин, — четыре эклера и полкоробочки фундука в шоколаде. Везет же...

Он вздохнул и подумал о своем уже явно намечающемся животике.

Жена откинула одеяло и осторожно прилегла с краю.

«Деликатная моя», — с раздражением подумал он.

Пахнуло цветочным кремом. Он поморщился.

Господи, да разве это — правильно? Чтобы — так? Чтобы тошнило от запаха французского крема? Чтобы хотелось откатиться на край или вообще скатиться на пол, укутаться с головой и — упасть в забытьё?

Или рвануть со своим одеялом в гостиную, на неудобный, но очень брендовый, блин, кожаный диван!

И все это называется «вполне комфортная и счастливая, спокойная семейная жизнь»...

По мнению крайне умного и продвинутого лучшего друга Димона.

— Езжайте, — выдавил он сквозь зубы, — ну, раз так приспичило!

Галина, казалось, не очень и удивилась. Благородно и с достоинством проговорила:

— Спасибо.

Ерничать не стала — не к месту.